

Анна ФЕДОРОВА

ВЛАСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ И ВНЕШНЯЯ СРЕДА СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье на основе системного подхода проанализированы горизонты интерпретаций современных организаций и социальные мифы, влияющие на эффективность процесса управления рисками.

On the basis of system approach horizons of interpretation of modern organizations and social myths influencing on effectiveness of risk management are analyzed in the article.

Ключевые слова:

власть, социальные мифы, управление, организационные риски, модернизационный процесс, инновации, ментальность, катастрофы; power, social myths, management, organizational risks, modernization process, innovations, mentality, catastrophe.

В данной статье автор ставит задачу раскрыть особенности современных социальных мифов внешней среды организаций, определив их основные свойства, структуру, функции и влияние на жизнь организаций.

Внешняя организационная среда современных организаций структурирована внешними и внутренними значимыми условиями и факторами. Она может быть проанализирована технологически. Согласно технологии *STEP*-анализа можно выделить социальные, технологические, экономические и политические условия, или факторы. Этот анализ достаточно прост и системен для мониторинга внешней среды современных организаций. Он охватывает в основном настоящее и требует отслеживания динамических составляющих. Односторонность *STEP*-анализа можно преодолеть, дополнив его *SWOT*-анализом, отличающимся большей комплексностью. Обратим внимание на некоторую принудительность технологий мониторинга внешней среды организации по отношению к организационным лидерам и руководителям современных организаций. Они должны осуществлять непрерывную рефлексию, определяя риски внешней среды и стратегии управления ими. Мы видим, что внешняя среда организации задает модус должностования, который многократно усиливается условиями и факторами внутренней среды. Организационная среда имеет власть над современными организациями, над показателями ее успешной деятельности (целями, ресурсами, социальными акторами, структурами, процессами, функциями и другими характеристиками) посредством символического ландшафта, детерминированного социальными мифами.

Анализ влияния, которое оказывают социальные мифы на жизнь современных организаций, уводит нас от институциональных характеристик в антропологическую плоскость описания организаций и процессов, конституирующих их деятельность. Социальные мифы – это сакральная идея, «изложенная в форме повествования, воплощающая коллективный опыт и выражающая коллективную совесть»¹. Из этого определения мы видим, что социальные мифы связаны с интерпретацией (пониманием, объяснением) реальности. Они системны в силу интеграции коллективного опыта в символический контекст и выполняют регулятивную функцию по отношению, в нашем случае, к деятельности людей в организациях и самим организациям. Если обращаться к функциям социальных мифов, то можно отметить, что легитимирующая функция (оправ-

ФЕДОРОВА

Анна

Валерьевна –
к. филос. н., доцент
кафедры социальных
коммуникаций
Поволжского
института
управления
им. П.А. Столыпина
– филиала РАНХиГС
anna_fedorova_76@
list.ru

¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / пер. с англ., под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Экономика, 1999.

дание и поддержание существующего социального порядка, по Б. Малиновскому) нас будет интересовать в меньшей мере. Мы рассмотрим мифы с позиции когнитивной и коммуникативной функций (Леви-Стросс, Ю. Хабермас).

Когнитивная функция социальных мифов, конституированных в организационной среде, заключается в том, что они помогают акторам социальной жизни современных организаций исследовать, понимать, объяснять, рефлексировать и контролировать современную ситуацию. Коммуникативная функция раскрывает себя через выстраивание диалога с основными акторами организаций в системе внутри- и межорганизационных отношений.

Поэтому остается актуальной и методологически емкой метафора реальности как текста, гипертекста. Современность — это гипертекст, который необходимо «схватить» в акте рефлексии, понять, прояснить, интерпретировать. Интерпретация становится актом бытия: «В эту онтологию понимания не погружаются постепенно, углубляя методологические возможности использования истории или психоанализа, туда переносятся внезапно, резким поворотом проблематики... Резким поворотом проблематики нужно поставить вопрос о бытии, которое “здесь”»¹. Это осуществимо в рамках социологической рефлексии горизонтов интерпретации. В литературе выделяются горизонт модерна, постмодерна, «вызова — ответа», ментальности, направленности на другого и горизонт катастрофы². Эти горизонты, на наш взгляд можно дополнить горизонтом организационного риска, который организует и систематизирует другие горизонты.

Горизонт модернизации описывает современность как ситуацию, проявляющую себя через мобилизационную инноватику, когда в рекордно короткие сроки осуществляется мобилизация всех ресурсов организации: финансовых, материальных, человеческих, временных, информационных. Этот горизонт предлагает нам миф модернизационного процесса. Миф — в

¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. — М.: Медиум, 1995, с. 10.

² Теория организации и организационное проектирование. Пособие по неклассической методологии: учебное пособие / под ред. Т.П. Фокиной, Ю.А. Корсакова, Н.Н. Слонова. — Саратов: Изд-во СГУ, 1997.

силу того, что утрачены основополагающие характеристики процесса модернизации как процесса социальной реальности: введение нового или существенное изменение старого на основе проблематизации ситуации; планирование и реализация инноваций, исходя из логики развития самой ситуации (на основе процессов самоорганизации); использование проектного режима в процессе реализации инноваций.

Современные модернизационные процессы в организациях протекают на основе реагирования властных субъектов в системе внутриорганизационных и межорганизационных отношений на острые социальные проблемы, последствия которых нельзя нивелировать в символическом и коммуникационном контексте. На первый план выходят риски навязывания видения ситуации под определенным углом зрения. Во многом эта особенность объясняется работой селекторов, изменяющих, а иногда и искажающих информацию. Эти риски дополняются рисками реализации инноваций «сверху» в режиме компрессии времени. Эффективность модернизационного процесса во многом определяется политической волей социальных акторов, что в свою очередь проявляет риски конфликтности/толерантности и риски упущенных возможностей. Наглядной иллюстрацией этих процессов служит отношение россиян к социально-экономическим реформам 1990-х гг.: «Большинство россиян (около 70% опрошенных) не склонны соглашаться с точкой зрения инициаторов реформ о безальтернативности предпринятых в начале 1990-х гг. мер, обусловленных глубиной экономического и политического кризиса. Истинная цель реформ, по мнению большинства, не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности. Именно этими целями во многом объясняется и свертывание возможностей влияния общества на принятие политических решений»³.

Проектный подход к модернизационному процессу конфликтен, т.к. встречает

³ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2011, с. 311.

сильное сопротивление на каждом этапе работы проектной группы. Не отличаются толерантностью отношения и внутри проектной команды. Риски разработки и внедрения социальных утопий вместо проектирования и реализации проектных разработок – это системные риски, сопутствующие процессам модернизации.

Горизонт постмодерна предлагает нам для рефлексии мифы горизонтальности и дробности: «Помимо сдвигов в социально-экономических условиях жизни россиян существенные изменения претерпели и их мировоззренческие установки. Вместе с распадом СССР рухнула идеологическая гомогенность советского типа. На смену ей пришел не столько “положенный” согласно теории плюрализм, сколько нарастающая хаотизация ментального пространства»¹.

Вместе с тем функционирующие и изменяющиеся современные вертикали продолжают удивлять нас своей жизнеспособностью и особой направленностью (например, правительственные бюрократии и церкви). На наш взгляд, дробность, мозаичность – это процессы, связанные с возможностью образования новых центров принятия решений, информационных и властных центров. Доминирующее значение в процессе выстраивания социальных практик управления продолжают играть эвристики, увеличивая неопределенность современной ситуации и риски, связанные с ней. Политические алгоритмы служат скорее вспомогательным средством контроля за эффективностью современного управления.

Зигмунт Бауман обращает внимание на темпоральность (временные особенности) современной ситуации, анализируя особый вид модерности – «текучую модерность». Он вкладывает в это понятие положительный смысл (в отличие от постмодерна): «постоянно происходящие перемены имеют какое-то заранее определенное направление, они застают нас врасплох, мы их не ожидаем и не предвидим»². Настоящее сконцентрировалось «в точке», сократив временную перспективу и снизив достоверность даже самых краткосрочных прогнозов. Горизонт будущего

закрыт высокой степенью неопределенности, наиболее остро обозначая риски планирования, целеполагания, рефлексии и обратной связи, которые в наибольшей степени проявляют себя в эффективной/неэффективной деятельности социальных акторов современных организаций.

3. Бауман сравнивает неопределенность современной ситуации с неопределенностью междуцарствия: «междуцарствие порождает вопрос, состоящий не в том, что делать, а в том, что если бы мы знали, что делать, кто это бы сделал?» Это очень серьезный вопрос, затрагивающий ситуацию выбора или отказа от него субъекта управления и меру социальной ответственности, которую он на себя принимает.

Горизонт «вызова – ответа» предлагает настроенность на то, чтобы услышать эти «вызовы» и подготовить адекватный ответ. Запад перестал выступать в роли «соблазна» в повседневной жизни, культурологическом и библейском планах социальной реальности. Данные социологических исследований обращают наше внимание на конфликтность (латентный конфликт) России и Запада: «Между Россией и Западом возникали все новые противоречия, что, естественно, отражалось на динамике общественного мнения. Уже в 1995 году надежда на Запад сохранялась только у 7% опрошенных, тогда как 44% утверждали, что Западу совершенно безразлична судьба России, а 31% респондентов даже полагали, что он целенаправленно стремится ее ослабить и превратить в зависимое государство»³. На данный момент число россиян, подозревающих Запад во враждебности по отношению к России, составляет половину выборки.

Восток привлекает нас скорее в историческом или туристическом плане. Эзотерика поверхностна, а турист всегда способен отличить собственную ментальность от другой. Выстраивая социальную и организационную жизнь, россияне поставили «слеш» между Западом и Востоком, выстраивая стратегии в крайних точках, в континууме между ними, в зависимости от ситуативных характеристик: экономический рационализм / ценностная рациональность, готовность к инновациям / традиционализм, высокая гражданская

¹ Там же, с. 316.

² Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года // Полит.ру

³ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М. : Весь Мир, 2011, с. 201.

мораль и правопослушность / религиозность. Горизонт «вызова – ответа» актуализирует риски, связанные с социальным временем (успеть, соответствовать).

Горизонт направленности на другого характеризуется конфликтогенностью и низким уровнем толерантности по отношению к людям в организациях и в системе межорганизационных отношений. Речь идет скорее о противостоянии отдельных субкультур и акцентуации на различиях и противоречиях в их деятельности. Мы не преодолели «искушение индивидуализмом», что привело, согласно проведенным исследованиям, к формированию поколений россиян, проявляющих следующие жизненные стратегии: «при наличии общего “ценностного консенсуса” различных поколений (существующего, несмотря на некоторые возрастные особенности тех или иных групп, в частности, традиционные для молодежи, особенно до 25 лет, оптимизм и амбициозность) пореформенная молодежь в существенно меньшей степени демонстрирует конформистские жизненные установки»¹.

Горизонт катастрофы раскрывает себя через процесс опривычивания катастроф: кибернетической, синергетической, организационной. Они становятся неотъемлемыми элементами, в первую очередь, организационной жизни социальных акторов. Все мы – люди организаций (по Т.П. Фокиной). На этапе функционирования организации катастрофы проявляют себя в кризисах отдельных организационных подсистем: управленческой, коммуникационной, финансовой, материальной, информационной и др. Кибернетическая катастрофа в наибольшей степени связана с невозможностью отстроить «умный менеджмент» и хорошо устроенную организацию. Синергетическая катастрофа – это пренебрежение синергетическими законами, такими как открытость, нелинейность, непропорциональность, особое отношение к хаосу как конструктивному началу. Организационная катастрофа – нивелирование значимости организационных законов, моделей совершенства организаций и проектных процедур.

Локализация в настоящем в значительной мере, на наш взгляд, снижает исследовательский потенциал системного исследования этого горизонта. Поскольку

профессиональная рефлексия требует некоторой «остановки» деятельности в плоскости повседневной реальности. В наведении рефлексии на высоком уровне большое значение имеет фактор времени. Социальное и организационное время сжато, а организационная и управленческая ситуация по степени насыщенности событиями напоминает «бурлящую воду» (П. Вейл).

Отношение к катастрофам не имеет ничего общего с незнанием или «ученым незнанием». Речь идет об «очевидной слепоте» или отворачивании от... Как, например, ребенок отворачивается от пугающего его предмета с надеждой, что это пугающее перестанет существовать. Или горизонт достиг нас и погрузил в собственный хронотоп? Тогда это крайность, предельная точка.

Что касается горизонта ментальности, то здесь следует затронуть два наиболее важных аспекта, которые его конституируют: проблему идентичности и падение морали в современном обществе. Российская идентичность – это быстро формирующаяся идентичность на основе идентификации со страной и национальностью. «Если в 2004 г. идентификация со страной, хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, общности по взглядам на жизнь и по национальности, то в 2011 г. по результатам проведенного исследования российская идентичность первенствовала»².

Основными причинами падения морали являются: разочарование в нормах и правилах дореформенного социального порядка и социального порядка, предлагаемого реформаторами, отсутствие духовных лидеров (организаций), способных взять на себя роль морально-нравственных ориентиров для социальных акторов, и легитимация криминальных социальных практик. Эти причины сформировали особые стратегии жизни людей в организациях, основанные на идее «лайтовости», «легкости», когда в некоторых организациях приверженность устоявшимся нормам, традициям, правилам становится признаком несовременности и неуспешности. Идея «лайтовости» затрудняет выстраивание сильной организационной культуры и долгосрочных консенсусных

¹ Там же, с. 323.

² Там же, с. 214.

коммуникационных стратегий с партнерами, конкурентами, стейкхолдерами и др. организациями во внешней среде. Падение морали в значительной мере затрудняет формирование положительного имиджа и репутации современных организаций. Потенциал современных организаций нам видится в том, чтобы с помощью аналитики риска выстроить в современных организациях особый тип культуры – культуры принятия рисков и грамотного управления ими.

Горизонт темпоральности раскрывает себя через взаимоотношения современного человека с временными модулями: настоящим, будущим и прошлым. Время в протекании социальных событий напоминает пружину, сжатую между двумя ладонями. Трудно предсказать, что произойдет с социальной жизнью отдельных людей и целых организаций, когда пружина развернется. Сейчас с известной степенью метафоричности можно утверждать, что увеличилась вязкость среды. Внешняя и внутренняя среда предлагают механизмы, сдерживающие «разворачивание этой пружины». Время в сжатом состоянии, или состоянии компрессии, опасно для социальных акторов высоким уровнем неопределенности и рисков, которыми сложно управлять.

Другой стороной временной компрессии является «закрытость горизонтов прошлого и будущего», предполагающая сокращение времени на планирование и прогнозирование социальных событий. Имеет место эффект запаздывания. Концепт достаточности времени становится мифом. Примечательно, что изменяется отношение к вечности. Она трансформируется в стратегическую цель. Крестный ход. Женщина идет долго, почти 1,5 часа: «Надеюсь, мои уставшие ноги зачтутся мне на том свете». Вот она, вечность: в ногах и под ногами. Мы отка-

зались от рефлексии прошлого социального опыта: каждый уже решил за себя, и у каждого прошлое свое.

Горизонт риска связан с изменениями процессов принятия рисков и управления ими. На смену парадигме неосознанности риска пришла парадигма рефлексивности, которую сменила парадигма управления рисками. Затем риски стали технологизировать. И в современной ситуации мы вновь сталкиваемся с отказом принимать риски и управлять ими, но на качественно новом уровне, уровне пост-технологизации. Основными причинами отказа от стратегий управления рисками в современных организациях является их сложность, комплексность и ресурсозатратность. Возникает и поддерживается на уровне организационных мифов иллюзия безопасности, основанная на убеждении, что организационные риски сложны, поэтому их невозможно исследовать и эффективно управлять ими. Поэтому организация предпочитает вкладывать ресурсы в повышение экономических показателей.

Таким образом, мы видим, что внешняя среда современных организаций насыщена социальными мифами – присвоенными и интериоризированными социальными контекстами, претендующими на онтологизацию. Они в значительной степени определяют жизнь современных организаций посредством риск/опасностей и риск/возможностей. В большей степени акцент делается на риск/опасностях. Для того чтобы риск/возможности проявили себя, нужны особые исследовательские процедуры, отстраивающие аналитику риска, – матрицы риска. Проведенная рефлексия позволяет утверждать, что своевременный мониторинг внешней среды современных организаций и аналитика организационных рисков способны повысить эффективность деятельности современных организаций.